

По клоунскому счету

Сегодня в Москве состоится тысячное представление Snow Show Вячеслава Полунина. Накануне его создатель провел набор в школу клоунов, которая сначала расположится под крышей РАТИ (ГИТИС), а потом переедет на набережную Москвы-реки — на бамбуковый корабль

Ирина Корнеева,
Владимир Луповской (фото)

Очередь на прослушивание к Вячеславу Полунину занимали с семи утра. Женщины с грудными детьми, мамы с абитуриентами, выпускники цирковых и театральных училищ, школьники, профессиональные и даже известные актеры, приезжие из Якутии... То, что принимают в школу клоунов, а не, скажем, в кружок бухгалтеров, было понятно сразу. Сочинение поступающие писали на улице, а заявление — после прохождения второго тура.

Но сначала всех просили раздеться. Не догала — снять рюкзак, куртку, оставить комплексы. Таких, чтобы объявил свою фамилию — и все лежат, было мало. Но внимание уделяли всем. Хотя и запускали группами по десять человек. Предлагали потанцевать, продолжить движение, начатое рукой Полунина. Представить под звуки танго, что вы в Марселе и пять лет не видели море. Или прочесть стих — тоже под музыку и что-нибудь представляя. Например, что вам не двадцать лет, а девяносто.

Лучших оставляли на собеседование. Вместо приема документов лепили фамилию на грудь и снимали на видео. Первый день это длилось до трех часов — Полунин в обед обещал в другом месте рассказать про Станиславского (это не шутка). Во второй — претендентов слушали с рассвета до заката. После этого пообщаться с великим клоуном можно было в клубе «Маяк» за кассами Театра Маяковского, где после ежедневных Snow Show появляется **ВЯЧЕСЛАВ ПОЛУНИН**. И продолжает «консультации» — о том, как стать клоуном, и не только.

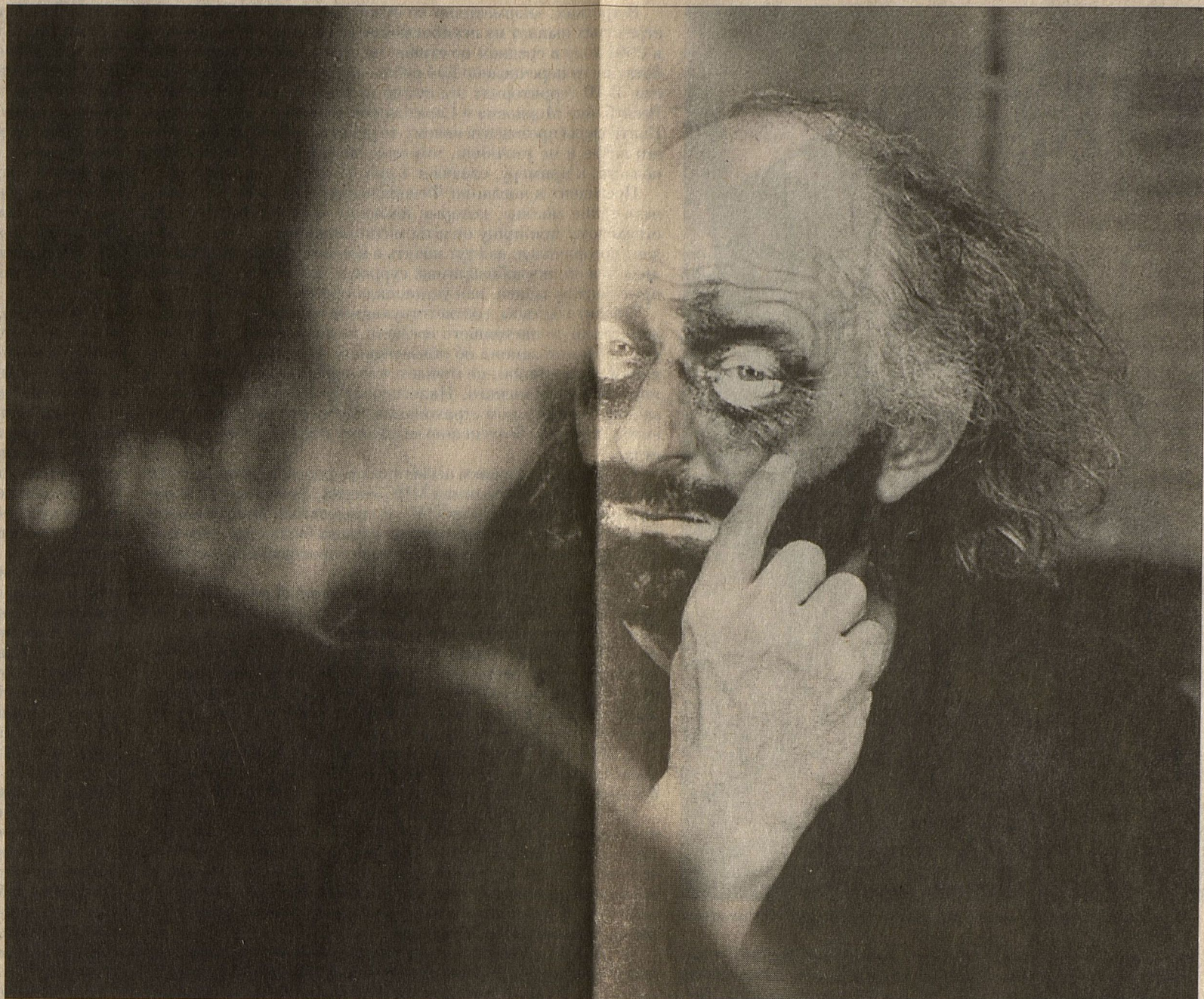
С голубой каемочкой

— Нужно использовать все, что вокруг лежит, валяется, бежит. Глаза открыты, уши открыты, внимание обострено — максимальный сбор информации. Годы два потом надо посвятить суетливой гимнастике. Это не мое изобретение — за пятьдесят лет до меня она была создана. За что бы ты ни брался, первое дело — узнать, что люди сделали до тебя. Ведь как бы ты ни придумывал — все равно в хвосте находишься.

Я люблю ощущение, когда на спектакле ты паришь в свободном потоке. Но если попадаешь в очень сложную аудиторию и не имеешь стержня, а находишься в этом свободном парении — летишь к чертовой бабушке и вдребезги. Я ненавижу стержни, но они в моих спектаклях есть, и без них никуда. Хотя у меня это даже не стержень, а тарелочка с голубой каемочкой — возможность не расплескаться.

Самая мощная информация — визуальная. Как человек сидит, как смотрит, какая у него рубашечка. Я в жизни не очень внимательно к себе отношусь, но в спектакле высчитываю все по миллиметру.

Итак, первое правило — сбор информации. Следующий уровень — опыт. Только с опытом можно выскакивать на сцену и за одну минуту понять, что там, в зале. Если первые пять минут провалил ритм — провалил спектакль... А опыт — большое удовольствие. Мне все было интересно: что такое цирк, мюзикл, стадион, драматический театр. Нужно год, два, три посвятить возможности испытать все. Мы лет 10–15 в самодельности провели и лет 15 в экперимен-

тах — с йогой, буддизмом и даже балетом. У меня тапочки были балетные, я у станка стоял, но потом выбросил — удовольствия не получал. Где совпало — я пошел, не совпало — обошел.

Происхождение Асисяя

Номер с телефоном родила у меня настоящая ссора с другом. Пятнадцать лет мы прожили вместе, больше не встречались... Что касается снега (тема привезенного Snow Show. — *Ред.*) — тут сложно уловить хвосты. В Орловской области сугробы выше домов. В детстве я выходил гулять с лопаткой и строил целые города — за домом был огромный заброшенный на зиму базар, и между прилавками я рыл ходы, а на следующий день их опять заносило снегом. В детстве я делал эскизы того, чем занимался потом. Однажды для представления построил дворец из льда сорок метров шириной и семь высотой. Но к нему мы прорывались до утра — матросы взяли дворец и никого туда не пускали. Спектакль сыграли без меня. А после нескольких попыток штурма, когда мы все-таки пробрались на своих коньках — дворца уже не было...

В запой и в разгул

Я человек гармонии, люблю мир объемный, и для меня идеал — шар. Давать одну руку в спектакле нельзя. Свой человек поймет, а 125 уйдет. Если есть трагическое, рядом должно стоять лирическое, комедия балансировать с трагедией. Идеал для меня — ухитриться пройти по балансу. Одновременно стремиться к идеалу приспособления и к идеалу сохранения себя.

Вот ушла из комнаты моя жена — жалко. Она мне подсказывает, у меня слова не держатся в голове... Вот карикатуры, живопись символических и сюрреалистов я знаю назубок. Я люблю жить в запой и в разгул. Если изучать, то так, чтобы невозможно было ничего добавить. Дома я собрал золотую антологию мировых комедий. Вокруг кино я хожу, как вокруг этого стола. Я не знаю кино настолько, чтобы шагнуть в него. К Рязанову приходил взять уроки. Есть вещи учебные и есть те, в которых мы выражаем себя. Я бы с удовольствием поиграл хорошую пьесу, но они так редко встречаются...

Жизнь языка сейчас — вранье. Поэтому для меня было естественным уйти в театр визуальный, где меньше лжи...

Я вот думаю, почему мы такие умные, ответ-

ственные — и ничего у нас не получается. Может быть, будем глупыми и безответственными — тогда все получится?

Станиславский

Если бы я начал писать имена моих учителей — стен бы этих не хватило. А первый свой спектакль я поставил по Станиславскому. Был провал. Год мы титетно старались делать все так, как он написал. Ничего не получалось. Туда, сюда — чувствуем, не годится нам Станиславский — что-то не то он написал. Спрятал его книги на самую заднюю полку — по лестнице не доезжать. Как я сейчас к нему отношусь — наверное, так же, как к классическому танцу. Как отношусь к Чаплину — я весь излом из него выковырял. Он как бы весь ясен, понятен и прост, но все равно остается недосказанной вершиной, и каждый клоун должен с Чаплиным познакомиться. А к Станиславскому в работе мы обращаемся не часто, но почему-то люди все время говорят: ну давай — по Станиславскому клоунаду чешет! Вот на Западе утверждают, что мы соединили психологию, искренность, жизнь духа с гротеском, фантазией и абсурдом. Не потому, что хотели — напротив, давно сказали: нет, мы со Станиславским не дружим, нам другая дорога. Но ходили-бродили и все равно заходили туда. То есть оказалось, что все восемь томов Станиславского должны были в голове отлежаться, за один год к системе не прийти.

Если разбирать эпизод: я вышел на сцену, другой вышел. По Станиславскому нужно сразу среагировать, но я не реагирую. Ты рядом стоишь, а я тебя не замечаю. У нас был спор: как ты можешь меня не видеть? Посмотри, какое расстояние — первый круг внимания, второй, третий... А потом мы поняли, что у нас не первый круг внимания, а четвертый или нулевой. Потому что клоун смотрит или на звезды, или в свою душу. И не успевает заметить, что у него на столе. Но чтобы это понять, нужно было сначала узнать, что первый, второй и третий круги существуют. Станиславский дал нам начальную арифметику и подтолкнул дальше — кого куда. До него науки никакой не было: то страсти, то мордасти, то список движений: это движение выражает то-то, это — то-то. Понятно, что Мочаловы и Щепкины на подобное не обращали внимания, куда их несет душа и талант, там и окажутся.

Не знаю, как подытожить историю, но полу-

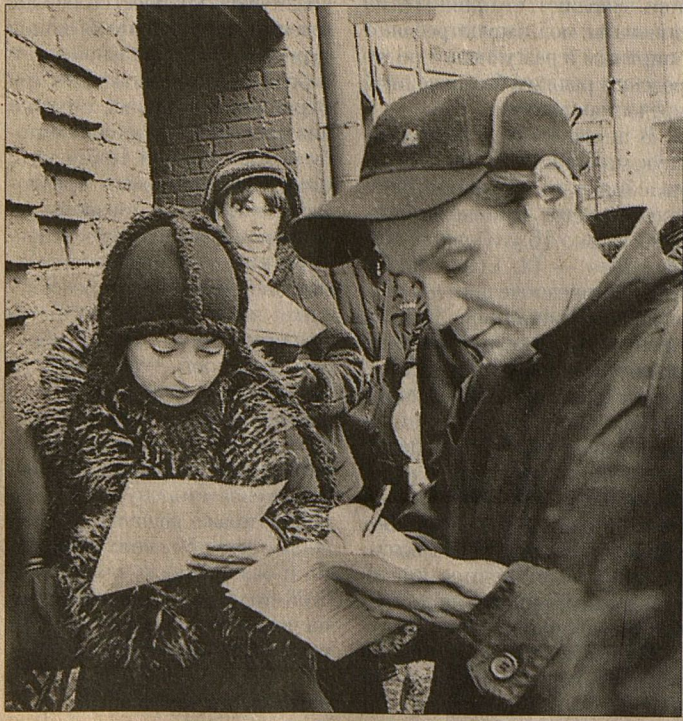
чилось так, что я начал с провала со Станиславским, а сейчас все мои успехи приписывают Станиславскому. И я должен думать, что это правильно.

Клоунада на экспорт

В каждой стране спектакль поворачивается разными гранями, но суть сохраняется. В Барселоне показать нежность — провал. Англичанам будет интересно. А в Испании нарветесь на реакцию: шо такое вы нам сказали? В Италии, Бразилии — у них там вечный праздник. Как они ухитряются жить так небогато и так относиться к жизни? Колумбия — страна нищей культуры. Там ты будешь подарком. А во Франции огорчат: ну и что, что ты приехал? Мы накушались, иди, там посиди. Чтобы приехать на гастроли в Париж, я десять лет изучал, что у них происходит, пока не понял, что могу. И в Америку когда я ехал с Цирком дю Солей — переделывал всю программу. Внимание американцев долго держать невозможно — как ребенку, им каждые три секунды надо выдавать трюк. Французы тоже все время отвлекаются, даже если им нравится. Все время колень в разные точки, пытаешься понять, что нужно, чтобы они начали с тобой общаться. Англичане другие, как уперлись — и начинают тянуть из тебя. В Англии смысла нет сердца открывать — не заметят. А в Сибири зритель открытый, простой, если ты сам с ними не открыт — все. Работать в Канаде — восторг: взять образ и часами расковыривать — они с тобой будут ковыряться... Каждый выход на публику — исследование.

Формула успеха

Мне нравится жить. Не вижу смысла быть несчастливой. И я не понимаю, как человеку может быть хорошо, когда другому плохо. В театре мне больше всего нравятся нити, натянутые между людьми и артистами. Мы ничего не говорим, только провоцируем вас на творчество, и наш спектакль — лишь повод, чтобы человек творил. Я нашел формулу, которая дает возможность людям в зале быть творцами. Ведь самое сильное удовольствие человек получает от себя, от того, что он творит. Можно, конечно, просто лежать на печи и плевать в потолок. Но не надо лениться. Никогда не жалейте работы.

Я бы в клоуны пошел, пусть меня научат

С женой Леной и сыном Иваном

Два тура до чуда